

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

30 января 2025 г. – 15:30

Морозов

Константин Евгеньевич

Является ли согласованная немоногамия этической?

Тезисы доклада

Моногамия — это формат романтических отношений, при котором в этих отношениях состоят два человека, которые сохраняют романтическую и сексуальную верность друг другу. Хотя моногамия по сей день остаётся доминирующей формой романтических отношений в развитых обществах, сегодня всё больше людей практикуют «согласованную немоногамию», т.е. форматы отношений, которые отклоняются от одной или двух черт моногамии. Сторонники этих форматов также называют их «этической немоногамией», предполагая, что взаимного (информированного) согласия всех участников достаточно, чтобы эти отношения были этически приемлемы.

Цель моего доклада — презентовать аргумент в пользу того, что немоногамные отношения этически неприемлемы даже в том случае, если все участники этих отношений дают согласие на подобный формат. Чтобы обосновать этот вывод, необходимо сначала обосновать две независимые посылки. Первая касается условий этической приемлемости каких-либо интимных отношений: согласно ей, интимные отношения допустимы тогда и только тогда, когда их участников объединяет чувство взаимной романтической любви. Вторая посылка касается природы романтической любви: согласно ей, романтическая любовь по своей природе моногамна, т.е. предполагает двустороннюю диадичную и исключительную связь.

Короткий аргумент в пользу первой посылки можно сформулировать с опорой на теоретическую дилемму, о которой пишет Дэвид Бенатар [Benatar 2002, p. 196]. Как он подмечает, есть некоторое напряжение между идеей, что согласие является необходимым и достаточным условием этической приемлемости интимных отношений, и тем интуитивным неприятием, с которым мы относимся к сексуальному насилию. Идея достаточности согласия для этической приемлемости неявно предполагает, что интимные отношения ничем сущностно не отличаются от любых других физических взаимодействий. Но если это так, то нет сущностной разницы между изнасилованиями и педофилией с одной стороны и любыми другими физическими нападениями с другой. И это явно противоречит повсеместно распространённым моральным интуициям, поскольку мы естественно склонны воспринимать сексуальное насилие как нечто более ужасное и предвзвешенное (ср.: [Burgess-Jackson 1999]). Таким образом, мы должны либо ослабить моральное осуждение изнасилований и педофилии, либо отказаться от идеи, что согласие — это всё, что требуется для этической приемлемости интимных отношений. И, как предполагает Бенатар, если есть какое-то дополнительное условие для этической приемлемости, которое бы объясняло особый статус посягательств на сексуальную

неприкосновенность, то это может быть только романтическая любовь [Benatar 2002, р. 192].

Более сложный аргумент в защиту первой посылки опирается на концепцию сексуальной инструментализации. С этой точки зрения, морально предосудительно вступать в интимные отношения с другим человеком, относясь к нему как простому средству для получения удовольствия [Scruton 1986; Soble 2022]. Основная идея проста и вряд ли вызовет возражения: каждый человек является личностью, обладающей внутренней ценностью, и уважение к этой ценности не допускает, чтобы с человеком обращались как с простым инструментом. Более спорно, что этот запрет на инструментализацию устанавливает именно требование взаимной любви, а не более слабое требование взаимного уважения [Nussbaum 1995; Hampton 1999].

Нормативная асимметрия, о которой пишет Бенатар, может быть доводом, пусть и не решающим, в пользу требования любви. Ведь требование уважения не является специфичным для интимных отношений, а потому его нарушение, на первый взгляд, не должно быть более серьёзным для посягательств на сексуальную неприкосновенность. Требование любви более специфично, и поэтому лучше объясняет существующую нормативную асимметрию.

Более решительный довод в пользу требования любви можно сформулировать с опорой на перфекционистские представления о благе. Интимная близость между двумя людьми, которые связаны узами взаимной романтической любви, является особым общим благом, которое может быть реализовано лишь совместными усилиями этих двух людей [Finnis 2008, р. 388]. Это отличает интимные отношения, мотивированные любовью, от тех отношений, в основе которых лежит лишь стремление к удовольствию. И выбирая менее значимое благо, люди наносят вред не только процветанию других, но и своему собственному. Из этого следует по меньшей мере то, что отношения ради удовольствия менее морально предпочтительны, чем отношения по любви [Hurka 1996, р. 135–136, 156–157].

Первая посылка кажется достаточно обоснованной. Но необходимо обосновать также и вторую, в основе которой лежит идея «модальной моногамии» [Jenkins 2015, р. 175]. Согласно этой позиции, романтическая любовь по своей природе моногамна. Существует множество подходов к обоснованию этого тезиса, например, средствами концептуального анализа [Soble 1987; Frankfurt 2004], анализа культуры [Chang 2013], социологических исследований [Illouz 2012], нейрофизиологических исследований [Фишер 2013] и т.д. Я добавлю к этим взаимодополняющим линиям аргументации ещё одну — объяснение в русле эволюционной психологии. Предварительно стоит заметить, что большинство биологов сходятся на том, что склонность к моногамии имеет множество факторов формирования, среди которых важную роль играют чисто биологические [Kaplan et al. 2000; Young et al. 2004; Young, Wang 2004; Chapais 2013; Schacht, Bell 2016].

Эволюционное объяснение модальной моногамии состоит в том, что формирование пар с сильной исключительной связью — это единственное, что делает чувство романтической любви эволюционно целесообразным, т.е. способствующим выживаемости и приспособляемости популяций. Формирование крепкой диадичной связи двух людей имеет эволюционный смысл постольку, поскольку способствует родительской заботе и, таким образом, повышает шансы потомства на выживание. Если способность к формированию такой связи не имеет того исключительного характера, который сопряжён с моногамией, то в этой способности нет никакого смысла, потому как для беспорядочных половых связей, способствующих рождению

большого количества детей, вообще не требуется никакая эмоциональная связь. Иначе говоря, любовь как естественное явление человеческой психики можно объяснить лишь в том случае, если любовь является сущностно моногамной.

Таким образом, эти две посылки, взятые вместе, обосновывают вывод о том, что даже согласованные немоногамные отношения этически проблематичны, поскольку предполагают взаимную инструментализацию людей, состоящих в этих отношениях. Соответственно, согласованную немоногамию нельзя назвать «этичной», что и требовалось доказать.

Л и т е р а т у р а

Фишер Х. Почему мы любим: Природа и химия романтической любви. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 320 с.

Benatar D. Two Views of Sexual Ethics: Promiscuity, Pedophilia, and Rape // *Public Affairs Quarterly*. 2002. Vol. 16. № 3. P. 191–201.

Burgess-Jackson K. (ed.) *A Most Detestable Crime: New Philosophical Essays on Rape*. New York: Oxford University Press, 1999. 328 p.

Chang R. Commitments, Reasons, and the Will // *Oxford Studies in Metaethics*. Vol. 8 / Ed. R. Shafer-Landau. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 74–113.

Chapais B. Monogamy, Strongly Bonded Groups, and the Evolution of Human Social Structure // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. 2013. Vol. 22. P. 52–65.

Finnis J.M. Marriage: A Basic and Exigent Good // *The Monist*. 2008. Vol. 91. № 3/4. P. 388–406.

Frankfurt H.G. *The Reasons of Love*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 112 p.

Hampton J. Defining Wrong and Defining Rape // *A Most Detestable Crime: New Philosophical Essays on Rape* / Ed. K. Burgess-Jackson. New York: Oxford University Press, 1999. P. 118–156.

Hurka T. *Perfectionism*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 240 p.

Illouz E. *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press, 2012. 304 p.

Jenkins C.S.I. Modal Monogamy // *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 2. № 8. P. 175–194.

Kaplan H., Hill K., Lancaster J., Hurtado A.M. A Theory of Human Life History Evolution: Diet, Intelligence, and Longevity // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. 2000. Vol. 9. P. 156–185.

Nussbaum M.C. Objectification // *Philosophy & Public Affairs*. 1995. Vol. 24. № 4. P. 249–291.

Schacht R., Bell A.V. The Evolution of Monogamy in Response to Partner Scarcity // *Scientific Reports*. 2016. Vol. 6. P. 1–9.

Scruton R.V. *Sexual Desire: A Moral Philosophy of the Erotic*. New York: Free Press, 1986. 428 p.

Soble A.G. Sexual Use // *The Philosophy of Sex: Contemporary Readings* / Eds. R.F. Halwani, J.M. Held, N. McKeever, A.G. Soble. Lanham: Rowman & Littlefield, 2022. P. 395–421.

Soble A.G. The Unity of Romantic Love // *Philosophy and Theology*. 1987. Vol. 1. № 4. P. 374–397.

Young L.J., Lim M.M., Hammock E.A.D. The Role of Vasopressin in the Genetic and Neural Regulation of Monogamy // *Journal of Neuroendocrinology*. 2004. Vol. 16. № 4. P. 325–332.

Young L.J., Wang Z. The Neurobiology of Pair Bonding // *Nature Neuroscience*. 2004. Vol. 7. № 10. P. 1048–1054.